

XVII век

Семнадцатое столетие началось в России со страшной, разорительной и кровавой Смуты. Ее усугубляло вторжение внешних врагов. Смута бушевала полтора десятилетия и поставила страну на грань распада. Московское царство испытало все ужасы большой войны, и худшим из них было, наверное, нравственное падение народа. Брат шел на брата, измена стала частью общественной нормы, жизнь человеческая была поставлена ни во что, а вера расшаталась.

В Смуту, что ни возьми, всё сдвинулось со своих мест. Воин не дрался, а бежал с поля боя. Воевода не служил царю, а переходил на сторону его врагов. Крестьянин бросал плуг и подавался в казаки. Царем оказывался безродный самозванец с «ветром перемен» в голове.

Редкие люди оставались тем, к чему предназначил их Господь. Среди них возвышается фигура патриарха. Гермоген не отступил в главном. Он являлся патриархом, говорил как патриарх и совершал поступки как патриарх. Страх поплатиться за неотступное следование духовному долгу ему был неведом.

В условиях Смуты оставаться тем, кто ты есть, — великое испытание. И одновременно великий героизм. Твердость и прямота в эпоху хаоса и кривизны могут стоять состояния, здоровья, жизни.

Всем этим и заплатил за свою несокрушимость глава Русской Церкви.

*Патриарх
Гермоген
отказывает
полякам
подписать
грамоту.
Павел Чистяков,
1860*

Патриарх Гермоген

Пастырь истинный

Необычную петлю сделала биография святителя: он жил очень долго, трудился, не покладая рук, но за полтора года до кончины вошел в полосу тяжелейших испытаний; претерпел муки духовные, поношение и плен в подземном узилище; всё выдержал, не колеблясь в вере; был прославлен за духовную твердость и готовность претерпеть страдания, на которые его обрекли. Долгий век принес Гермогену репутацию церковного деятеля с большими заслугами, но не более того. Лишь на закате жизни пришел его звездный час. Фигура святителя обратилась в лампаду, горевшую для всей России, всему народу освещающую путь. И эта ослепительная вспышка как будто поглотила все прочие события его судьбы.

Казанское чудо

О происхождении, детстве, юности и зрелых годах святителя почти ничего не известно. Его жизнь выходит из тумана неопределенности после того, как лента ее размоталась до середины. Всё предшествующее состоит из догадок, гипотез, фактов сомнительной ценности и колоссального белого пятна.

Итак, святитель родился не позднее 1549 года. Другая дата, — 1530 год — кочующая из справочника в справочник, представляет собой результат ошибки.

Происхождение его вызвало длительную дискуссию между историками. Скорее всего, Гермоген — выходец из провинциальной городской среды, то есть из небогатых дворян или посадских людей. Впоследствии он подался в казаки, а затем принял духовный сан и сделался иереем.

Неизвестно даже, как окрестили мальчика его родители. Но тут разногласий между историками гораздо меньше. Обыкновенно называют два имени: Ермолай и Григорий, притом абсолютное большинство биографов святителя отдают предпочтение первому варианту.

Первая твердо известная дата в биографии Гермогена — 1579 год. Тогда будущий патриарх, еще не принявший монашества, служил священником в посадском храме Казани, и Бог даровал ему встречу с большим чудом. Через много лет Гермоген, взявшись за перо, подробно рассказал о событиях того времени.

В полуденный час 23 июня 1579 года близ церкви святителя Николая, именуемого Тульским, во дворе «воина царского» Даниила Онучина начался пожар. Большая часть посада и Спасо-Преображенская обитель обратились в пепел. Началось медленное, трудное, горестное восстановление домов и храмов.

Но вместе с наказанием пришло и ободрение. Богородичная икона чудесным образом явила себя «...юной дочери простого, искусного в военной стрельбе воина, имеющей десять лет от роду, по имени Матрона...» В то же лето и в том же месяце начала она являться Матроне, повелевая пойти в Кремль и рассказать об иконе «...архиепископу и воеводам, чтобы они пошли и вынули из недр земли образ... причем указала и место, где могут обрести честное сокровище...».

Девочка от растерянности сообщила про видения одной лишь матери, хотя икона являлась ей не раз. Матрона просила мать поведать властям о чуде. Та привела девочку к воеводам. Но воеводы не обратили на их слова никакого внимания. Так же и архиепископ Иеремия «отослал ее без дела». Это случилось 8 июля 1579 года.

Мать пошла домой, рассказывая встречным о своем горе. Люди к ней присоединились. Мать взяла заступ, начала копать в названном месте; икона не появлялась; тогда иные казанцы, заинтересовавшиеся ее словами, стали помогать ей, «...вскопали уже все место то, но ничего не нашли». Матрона, отойдя, начала копать там, где стояла раньше печь. Выкопали на два локтя, и там-то и явилась икона; на ней был ветхий рукав одежды из вишневого сукна.

Казанцы известили архиепископа и воевод. Иеремия велел звонить в колокола, собрал духовенство и начальных людей, пошел крестным ходом к тому месту, где обрели чудесную икону. Там владыка молился и призывал милости и прощения за свой грех. «Так же и воеводы с плачем просили милостивого [прощения] за то нерадение и неверие, которым согрешили...»

О себе Гермоген рассказывает немного: «Я... хотя и был каменносердечен, однако прослезился и припал к Богородичному образу».

Гермоген испросил у архиепископа дозволения отнести икону в храм Николая Тульского. Там совершилось «молебное пение», и оттуда большой крестный ход отправился к Кремлю. Надо полагать, никольский иерей ранее того заслужил доброе отношение Иеремии: архиерей доверил ему важное и в то же время почетное дело.

По сообщению Гермогена, 16 чудес совершилось через Казанский Богородичный образ. Большой частью — исцеления ослепших людей.

Итак, в 1579 году Гермоген стал свидетелем настоящего большого чуда и пронес этот мистический опыт через всю жизнь. Вот она, главная опора будущего «твердого стояния» его в вере.

В 1587 году посадский поп Ермолай принял иноческий постриг. Он вошел в братию казанского Спасо-Преображенского монастыря, а в 1588 году стал там архимандритом. Настоятельство Гермогена длилось менее года, притом значительную часть его пришлось провести в Москве. ➔

▲ *Благовещенский собор Казанского Кремля. Фото конца XIX в.*

► *Памятник патриарху Гермогену в Москве. Фото Владимира Ештокина*

Старший по чести среди монастырских властей Казанской епархии, Гермоген обязан был сопровождать архиерея в поездке на собор, где учреждалась Московская патриаршая кафедра. Двум лицам, первенствующим среди казанского духовенства, конечно, следовало присутствовать при столь важном событии. Происходило не только учреждение патриаршества в Москве, но также избрание первого патриарха. В нем участвовали и новый казанский архиерей Тихон с Гермогеном.

Вскоре после этого было принято решение ввести в иерархию Русской Церкви три новых митрополичьих места. Одно из них связывали с Казанью.

Первым митрополитом был наречен, видимо, Тихон. Но он весьма быстро ушел на покой. 13 мая 1589 года на Казанскую кафедру рукоположили Гермогена.

Итак, весной 1589 года Гермоген впервые вышел на подмостки в театре большой политики. Митрополиту Казанскому надлежало считаться третьим по «старшинству чести» в Русской Церкви. Этот архиерей оказывался не только пастырем духовным, но и значительной персоной в сонме ведущих политиков России.

Образованной публике Гермоген известен в основном как политический деятель, боровшийся с засильем польско-литовских захватчиков. Мало кто знает, сколь много он сделал до Смуты, в бытность свою митрополитом Казанским.

Лишь немногие глубоко воцерковленные люди да специалисты по истории Казанского края знакомы с поворотами в судьбе святителя, предшествовавшими звездному часу в его жизни. Задолго до переезда в Москву Гермоген прославился как выдающийся миссионер. Он действовал на землях, не до конца

«замыренных». Он показал себя мужественным человеком, просвещенным пастырем и церковным администратором, обладающим твердой волей. Он строил храмы, читал проповеди, знакомил новокрещеных со Священным Писанием. Он способствовал канонизации новых святых, связанных с Казанской землей.

Столп державы

В 1605 году на русский престол взошел самозванец — Лжедмитрий I. Он сверг патриарха Иова, не признавшего фальшивого царя, и запугал духовенство. Гермоген в то страшное время был среди немногих священников и архиереев, которые смели спорить с диктатором. За свою отвагу он удостоился опалы.

Но когда власть самозванца пала и воцарился природный Рюрикович — Василий Иванович из рода князей Шуйских, — опального митрополита

▼ Сигизмунд III

▼ Лжедмитрий I

▼ Осада Троице-Сергиевой лавры. В. В. Верещагин. 1891

Казанского позвали в Москву. Василий Шуйский назвал Гермогена новым патриархом, а Церковь одобрила царскую волю: честность и стойкость Гермогена стали широко известны.

Гермогену предстояло без малого пять лет патриаршества и около года мук в узилище...

Почти всё царствование Василия Шуйского прошло в тяжелом противоборстве с мятежниками, коих возглавлял Иван Болотников, армией нового самозванца — Лжедмитрия II, а также польскими войсками, вторгшимися на земли России и осадившими Смоленск.

Патриарх, не колеблясь, поддерживал государя, а иной раз спасал его от краха и гибели.

14 октября 1606 года, когда положение Василия Шуйского в борьбе с болотниковцами стало критическим, патриарх на несколько дней объявил пост и непрерывную молитву. Московские храмы наполнились народом. Первоиерарх напоминал пастве о крестоцеловании, данном на имя нового царя, обличал «злых еретиков, и грабителей, и осквернителей» из мятежных отрядов, призывал ополчиться и мужественно стоять против них. Роль святителя Гермогена в преодолении болотниковщины чрезвычайно велика. Его учительное слово подкрепляло дух городов, областей, полков, оставшихся верными Василию Ивановичу, а его обличения и проклятия отбивали охоту к измене у тех, кто примеривался — не присоединиться ли к мятежу?

Подавление «болотниковщины» — величайший успех русского государственного порядка в царствование Василия IV. Казалось, близок конец Смуты, забрезжила надежда на покой, на переход к мирным делам восстановления страны от разрушений, произведенных кровавым вихрем.

Однако Смута не прекратилась. После опасного промедления Москва разглядела нового врага — фальшивого «царика» в окружении польских и казачьих отрядов.

Гермоген не меняет своего отношения к тем, кто пошел против законного царя. Он обрушивается на армию «тушинского вора» с проклятиями, призывает к покаянию, но сетует на жестокость тех, к кому адресует слова свои: все сроки прошли, когда они могли приступить к «исправлению ума», но по сию пору ничего подобного не происходит!

Патриарх напоминает, что прощение еще возможно, однако его не обрести без нелicenseмерного раскаяния. Гермоген беретса лично просить у царя о милосердии для всех, кто решится отстать от дела Самозванца.

Летом 1610 года Василия Шуйского свергли заговорщики.

Гермоген, узнав о печальной судьбе Василия Ивановича, прилюдно обращается к москвичам с просьбой: пока не поздно, верните государя в царские палаты, отдайте ему власть, несправедливо отобранную! В тех обстоятельствах патриарх рисковал собственной головой, однако от царя не отступался. Его не послушались. Тогда, не дожидаясь конца «злого совета», патриарх покинул собор заговорщиков, умастивавших московскую толпу.

Москва все же колебалась. Помня значение царского сана, знать, дворяне и прочие москвичи хотя бы поклялись Василию Шуйскому, «что над ним никакова дурна не учинить». Но живой, умный, энергичный царь — очень неудобная фигура. Как его можно терпеть? Как не стеснять его, когда он самим фактом своей жизни угрожает жизням изменников?!

Патриарх напоминает, что прощение еще возможно, однако его не обрести без нелicenseмерного раскаяния.

Дабы поставить окончательную точку, 19 июля заговорщики, придя к плененному царю, велели: прими постриг! Монаху в государях не бывать... Василий Иванович явил отвагу — будучи в руках у смертельных врагов своих, он отказался покориться их воле. Тогда «...Захарей Ляпунов да князь Петр Засекин со своими советники царя Василиа силою постригли в чернеческий чин. Иноческие обеты за царя читал князь Василей Туренин».

Однако тут слово Гермогена испортило всю игру. Предстоятель Церкви своей властью объявил пострижение недействительным, поскольку оно сопровождалось насильственными действиями и сами постригаемый не поизносил отрицания мира. Летопись сообщает: «Патриарх же Гермоген... царя... Василиа называл мирским именем, а того князя Василиа проклинал и называл его иноком».

В конце концов несчастного царя с семьей заговорщики отдали его злейшими врагам — полякам. В Москве его заменило боярское правительство — Семибоярщина.

Стояние в вере

С августа 1610 года начинается самый тяжелый и одновременно самый значимый для русской истории период в жизни святителя Гермогена. События пойдут вскачь, одно тягостнее другого, вера и воля патриарха подвергнутся испытаниям, каких он не знал за всю свою долгую жизнь. Личность его окажется под ударом холодной хищной стихии — как утес, выдающийся далеко в море, оказывается под натиском неистовых волн в штормовую погоду. Тело седобородого старика изнеможет, но дух выдержит.

Боярское правительство заключило с польским полководцем гетманом Жолкевским соглашение: русским царем становится польский королевич Владислав, если он перейдет в Православие, а королевская армия снимет осаду со Смоленска. Семибоярщина присягнула на верность Владиславу, привела к присяге Москву, а затем разослала по верным городам своих представителей с крестоцеловальными клятвами. Всё это произошло, стоит заметить, до того, как польский король утвердил соглашение, заключенные гетманом. Вскоре с Московского монетного двора побегут по всей стране серебряные ручейки монет с надписью: «Царь и великий князь Владислав Жигимонтович».

Гермоген столь поспешным действиям сопротивлялся. Летопись доносит известие, позволяющее услышать строгий голос патриарха, обращенный к боярам: «Если Владислав... будет в православной вере, я вас благословлю, а если нет... то разрушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не будет на вас нашего благословения».

Боярское правительство снарядило посольство к Сигизмунду III. В королевском лагере под Смоленском представителей Москвы принуждали к подчине-

нию. Сигизмунд сам хотел сделаться русским царем, кроме того, он не собирался ни снимать осаду, ни говорить с сыном о переходе в Православие. Послы мужественно отвегали его требования. Незадолго до конца года им привезли из Москвы грамоты, подписанные боярским правительством. Там говорилось: во всем сдайтесь на волю Сигизмунда. Но послы не признали официальную силу грамот: во-первых, отсутствовала подпись патриарха; во-вторых, подписи еще

страстно желавшего стать настоящим государем.

Наступает время, когда исчезает искусственное разделение русских на тех, кто оказался в стане Самозванца, и тех, кто им противостоит. Стало возможным политическое объединение нации. Глава Церкви получил возможность обратиться и к тем, и к другим с призывом стоять за веру, не поддаваться чужеземной власти.

Гермоген говорит именно то, что должно прозвучать, то, чего требует вера, то, чего ждет от него народ. К проповедям патриарха прислушиваются со вниманием, какого не было доселе.

Патриарх знал, что ему всеми силами будут затыкать рот, но, как видно, сильна в нем была иноческая наука. Дряхлый, больной человек, коротающий последние месяцы жизни, вдруг оказался сильнее бояр и воевод — молодых, энергичных мужчин, поддавшихся робости и корыстолюбию. Дух его воспарил над ничтожными страстями политических интриг. Слов его теперь жадно ждали по городам и землям всего Московского государства: пока патриарх стоит, наше дело еще не проиграно!

В декабре 1610 — январе 1611 года Гермоген принялся рассылать грамоты в города и земли Московского царства, «разрешая» в них от присяги королевичу Владиславу и призывая собрать полки, прийти к Москве, изгнать из столицы иноверцев и иноплеменников. Послания патриарха сыграли роль дрожжей, добавленных в тесто. Началось брожение. Из этого народного брожения, мутного и беспорядочного, выросло великое подвижническое дело земского ополчения. Земские рати явились под стены Белокаменной, а внутри нее созрело большое восстание против иноземного гарнизона.

Прямо ссылается на письма Гермогена игумен Соловецкого монастыря Антоний. 12 марта 1611 года в послании к шведскому королю Карлу IX настоятель говорит: «Писал с Москвы великий святитель святейший Гермоген, патриарх Московский и всея Руси, в Великий Новгород и во Псков... и во все города Московского государства... велел съезжаться к Москве ратным воинским людям и стояти и промышляти единомышленно на литовских людей».

Святитель Гермоген сыграл весьма значительную роль при зарождении земского освободительного движения. Глава Церкви устными распоряжениями и в грамотах призвал паству не только к «стоянию за веру», не только к отказу от присяги Сигизмунду III, но также к вооруженному сопротивлению иноземцам. Действовать подобным образом его вынудили сами поляки, поскольку в ином случае русский престол занял бы католик, а судьба Православия на просторах Московского государства приняла бы гибельный оборот. Важно понимать: не сам народ, лишенный какой-либо побудительного импульса и координирующей воли, поднялся одновременно во множестве городов для похода на Москву, а глава Церкви поднял его на борьбу за веру.

А когда ополчение подошло к Москве, патриарх дал ему письменное благословение.

Современная наука знает две грамоты Гермогена, дошедшие до наших дней от того времени.

25 августа 1611 года свияженин Родион Мосеев доставил послание Гермогена в Нижний Новгород. Глава Церкви, находясь в заключении, призывает власти города писать «...из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтоб митрополит писал в полки... учительную грамоту, да и к казацкому войску, чтоб они стояли крепко в вере... А вам всем от

▲ Патриарх Гермоген. ▲ Князь Василий Шуйский.
Миниатюры из Титулярника. Вторая половина XVII века

двух членов боярского правительства, как они знали, вытребованы были у обоих насильственно. Весной 1611 года поляки, не сломив русских послов, ограбили их до нитки и вывезли неволей из-под Смоленска. Несколько лет их содержали под стражей, забыв думать о какой-то дипломатической неприкосновенности. Не все вернулись домой...

Гермоген знал о бедственном положении посольства. Более того, он получил из-под Смоленска корреспонденцию, извещавшую его и о политических амбициях Сигизмунда, и о том, что на участников посольства оказывается давление.

Тем временем в Москве слабодушными боярами подготавливалась присяга на имя польского короля — помимо августовской, данной на имя королевича Владислава. Это означало: русская столица признает над собой власть монарха-католика, нисколько не ожидая, что он переменит вероисповедание.

Патриарх переживал черные дни.

За несколько месяцев предстоятель Русской Церкви отступал шаг за шагом, оставлял одну оборонительную позицию за другой. Он надеялся: на каком-то рубеже государственные мужи Российской державы опаматуют, устыдятся и поддержат его. Но те всякий раз требовали: «Уступим полякам еще немного!» И вот отступать больше некуда. Страна подошла к тому, чего нельзя сдавать ни при каких условиях. И опереться патриарх может лишь на самого себя и в себе одном отыскать твердость.

Глава Церкви открыто выступает против крестоцелования польскому королю. Ему угрожают физической расправой, но Гермоген остается непоколебим. Проповедь Гермогена против целования креста Сигизмунду совершилась на Николин день, 6 декабря.

Несколько дней спустя Москва узнает: убит Лжедмитрий II! Нет больше ложного «царика»,

► *Патриарх Гермоген и бояре.*
Гравюра Шюблера с рисунка С. М. Зейденберга. XIX в.

нас благословение... что стоите за веру неподвижно. И я должен за вас Бога молить».

Вторую грамоту «...выписал из Москвы втайне Гермоген... к бояром и к воеводам, и ко всем служилым людям», преследуя две цели. Во-первых, «чтоб не смущались всякие люди никакою прелестию»; во-вторых, чтобы они «стояли... задин единодушно, вкупе, против врагов и разорителей, и крестопреступников Московского государства, против поляк и литвы».

Гермоген призывал: «Просите у Бога милости и призывайте на помощь крепкую нашу Заступницу, и святых и небесных сил, и всех святых и отринуть от себя женскую немощь, и воспринять мужескую храбрость, и стояти против врагов Божьих и наших губителей крепко, уповая и на Бога, и на пречистую Богородицу, и на всех святых, понеже с нами Бог и заступленье пречистые Богородицы...».

Далее патриарх повелевал унять бесчинства и отказаться от скверны в рядах войска, стоящего за святое дело: «Отриньте от себя всякую ересь и всякое нечестие, его же ненавидит Бог. Кто... блудник — возлюби целомудрие, еже есть чистота телесная... кто разбойник или тать, или клеветник, или судья неправедной... или книги гадательные и волшебные на погибель держит... — впредь обещаюся Богу таковых дел не творить».

Последний год в жизни святителя Гермогена представляет собой одно сплошное стояние за веру и постепенно нарастающие муки. Патриарх, как пастырь православного «стада словесного», оказался самым опасным врагом для польского командования в Москве и боярской «партии», готовой подчиниться воле Сигизмунда III.

Вера и воля патриарха подвергнутся испытаниям, каких он не знал за всю свою долгую жизнь.

Его арестовали, а затем дважды переводили из одного узилища в другое, от раза к разу ухудшая условия.

Третье и последнее ограничение свободы Гермогена явилось ужасающим испытанием для измученного старика.

Гермоген был заключен в подвальной (погребном) этаже Архангельской церкви Чудова монастыря. Туда спускали на веревке пищу и воду — через окно. Дореволюционный исследователь В. Борин указал на печальные подробности заточения патриарха: «Прежде туда (в подземелье Чудова монастыря. — Д. В.) можно было попасть через особое замурованное отверстие с помощью винтовой (круглой) лестницы... При обнаружении нижнего подземелья в нем были найдены железные вериги и человеческие черепа и кости... Это темница в буквальном значении этого слова: свет заходил сюда в виде слабой белой полоски, чрез маленькие оконца, находящиеся в двухсаженной стене толщиной и перероженные железной решеткой».

Патриарху угрожали расправой, требуя от него написать грамоты, которые умиротворили бы земское ополчение и убедили бы ратников разойтись по домам. Гермоген не уступал, поскольку правильно

было — не уступать. Он стоял, как волнолом, не рассуждая, разобьет его очередной шторм в крошку или пощадит, и нельзя ли выдернуть из дна морского гранитные корни да отползти на безопасный берег. Он просто поступал так, как повелевал ему долг, связанный с патриаршим саном.

Святитель ушел из жизни, когда в поволжских городах уже собиралось Второе земское ополчение князя Пожарского и Козьмы Минина — сила, которая освободит Москву. Сила, вызванная к жизни посланиями Гермогена... До прихода северного воинства под стены столицы патриарх не доживет.

Поляки не решились прилюдно казнить самого упорного и самого убежденного своего неприятеля; его уморили голодом в темнице.

Прославление Гермогена в лике святых совершилось 12/25 мая 1913 года. Днем позже во имя его был освящен первый храм. Ровно через столетие, 25 мая 2013 года на территории Александровского сада, близ кремлевской стены, был открыт памятник священномученику Гермогену (Ермогену), Патриарху Московскому и всея Руси. Произошло то, чего православный мир нашей страны ждал очень долго...

***

Патриарх Гермоген — фигура, залитая светом, прозрачная, все главные его дела высвечены солнцем, всякое его поучение ясно. Как пастырь духовный, он говорил: следует стоять за веру, не колеблясь. Вокруг ложь и беснование? Будь тверд. Требуется претерпеть мучения? Претерпи, только не отступай от истины. Потребовалось смерть принять? Прими, это большое благо. И сам он поступал так, как требовал от «словесного стада»: не шатался в истине, терпел муки и отдал жизнь, когда ничего, кроме жизни, у него уже не оставалось. Гермоген — камень веры. Он из тех, кого можно положить в фундамент любого здания, и здание будет стоять прочно. ✠

Дмитрий Володихин,
доктор исторических наук